

БОРИС  
АКУНИН

---

ИСТОРИЯ  
РОССИЙСКОГО  
ГОСУДАРСТВА

---

ЭПОХА ЦАРИЦ

*Евразийская  
империя*



Издательство АСТ  
Москва

# Предисловие

---

Русский восемнадцатый век — эпоха во многих отношениях примечательная.

Прежде всего тем, что после долгого цивилизационного дрейфа между Западом и Востоком страна, кажется, определилась со своей геополитической позицией. В глубокой древности Русь была органичной частью Европы, после монгольского завоевания стала частью Азии, потом, восстановив независимость, опять начала постепенно двигаться в сторону Европы — и вот в 1700-е годы наконец приняла тот евразийский облик, который с тех пор уже существенно не менялся. Страна стала и Европой, и Азией — или, если угодно, не Европой и не Азией, а Россией, культурно-государственной конструкцией, в которой причудливо, но по-своему логично соединились черты «азиатской» и «европейской» моделей. Перетягивание каната между двумя этими компонентами, вечное чередование реформ с контрреформами становятся константой и доминантой российской политики.

Еще важнее то, что Россия превратилась не просто в евразийского месиса, а в евразийскую империю, то есть в государство активного, экспансионистского типа, стремящееся расширяться в обоих направлениях — и европейском, и азиатском. Вся логика и механика такого государственного устройства нацелена на территориальный рост, на *навязывание себя* сопредельному миру; империя всегда «газообразна», она распространяется во все пределы, в которые может распространиться, если не встречает прочной преграды. Восемнадцатое столетие демонстрирует нам, как неумолимо и последовательно заработал этот принцип, как новая Россия взвалила на себя бремя имперской и потащила его, невзирая на личные убеждения правителей, среди которых попадались и люди вполне мирные. Ничего не поделаешь: основная деятельность империи нацелена не внутрь страны, а вовне — иначе зачем тратить столько сил и средств на содержание могучих вооруженных сил?

Два главных обретения восемнадцатого века — имперская энергетика и концептуальная евразийскость — в известном смысле определили всю дальнейшую судьбу России, однако политическая жизнь этого столетия интересна нам и другими своими новациями.

Например, тем, как верховная власть столкнулась с болезненной проблемой кризиса сакральности. В предыдущих томах много говорилось о том, что «ордынская» модель, основанная на тотальной, ничем не ограниченной власти монарха, немыслима без обожествления этой фигуры, фактически идентичной государству (само слово «государство» в русском языке происходит от «государя»). Однако после смерти Петра начинается чехарда весьма сомнительных и даже скандальных венценосцев, не осененных никаким «божественным правом». По сути дела, в 1761 году на смену русской династии Романовых пришла немецкая династия Гольштейн-Готторпов, оставившая прежнее название. Еще поразительнее то, что страной извечного «домостроя» почти все время правили женщины. Как написал о восемнадцатом веке в сатирической «Истории России от Гостомысла» А.К. Толстой:

Тут кротко или строго  
Царило много лиц,  
Царей не слишком много,  
А более цариц.

Феномен женского правления в мизогинистской стране сам по себе очень любопытен, но в исторической перспективе многое важнее изменение общественной роли женщин, произошедшее именно в эту эпоху.

Очень интересна также механика перевода относительно простой «ордынской» модели государственного устройства в более сложный формат самодержавно-дворянской монархии, лучше соответствовавший требованиям нового времени.

Еще одна увлекательная, драматическая тема — эксперименты верховной власти по части возможного и невозможного. Мы посмотрим, как субъективное сталкивалось с объективным, как личные устремления и мечты формально неограниченного властителя разбивались о реальность. Восемнадцатый век наглядно продемонстрировал, что в империи такого склада единственный вроде бы свободный человек, ее правитель, на самом деле тоже не волен в своих поступках, а если не понимает этого, платит дорогую цену.

Наконец, мы увидим, как зарождался российский либерализм — система взглядов, оппонирующая «ордынским» основам самодержавного государства. В конце восемнадцатого века возникает то раздвоение национального сознания, которое впоследствии станет главным общественным разломом России.

Однако прежде чем пуститься в длинное путешествие из 1725 года в 1801-й, давайте вспомним, в каком состоянии оставил страну Петр Великий, преобразователь размашистый и гиперактивный, но далеко не во всех своих начинаниях успешный.

Начнем с того, что у Петра получилось.

Он существенно реконструировал рыхлое, архаичное московское государство семнадцатого века, но отнюдь не по европейскому подобию, а прямо противоположным образом. Первый император в полном объеме восстановил и всемерно укрепил «вертикальность» первоначальной, до-смутной формации, когда вся власть находилась в руках государя. Боярства и патриархии, которые активно участвовали в управлении при первых Романовых, теперь не стало. Россия превратилась в военную державу, которая, как во времена Чингисхана, управлялась исключительно из «ханской юрты», пусть редекорированной на немецко-голландский манер. Эффективность и мобилизационные качества такого государства многократно возросли. Пользуясь этим, Петр модернизировал вооруженные силы и с их помощью сумел отвоевать у Швеции балтийское побережье, что гипотетически открывало выход русским товарам на североевропейские рынки.

Этим безусловные успехи реформатора исчерпываются. Все прочее спорно.

Действенной системы центрального управления огромной страной он так и не создал. Местная администрация работала из рук вон плохо. Из отраслей промышленности более или менее успешно развивались лишь те, которые субсидировались казной или работали на флот и армию. Частная торговля еле дышала (что сильно обесценивало выгоды балтийских территориальных приобретений). Финансы находились в бедственном состоянии. Население было измучено и разорено. Города — за исключением странной болотной столицы — не росли; там жили всего 3 процента населения.

Если уж Россия превращалась в империю, ей предстояло справиться с тремя колоссальными внешними задачами, решить три вопроса — шведский, турецкий и польский. Все силы Петра ушли на первый. На Черном море он пытался укрепиться, но не смог, проиграв турецкую войну. Не дошли у него руки и до Польши, которая быстро слабела и представляла собой лакомую добычу. Никакая империя не устояла бы перед подобным соблазном, а русские монархи издавна считали, что имеют династическое право на украинские и белорусские области, близкие по вере, языку и культуре.

Зато Петр ввязался в ряд плохо придуманных гигантоманских проектов вроде создания всероссийской водоканальной системы или завоевания далеких закаспийских территорий. Страна надрывалась, будучи не в состоянии справиться с такой нагрузкой.

При этом фундамент империи был заложен настолько основательно, что страна лишилась возможности развиваться по какой-то иной, неэкспансионистской траектории (в конце семнадцатого века, во времена Василия Голицына, такая возможность еще существовала и рассматривалась).

Однако контуры империи были лишь обозначены, стройка едва началась. Чтобы ее завершить или хотя бы продолжить, требовались правители петровской целеустремленности и воли, а взяться им было неоткуда. Император не выполнил главного монаршего долга — не позаботился о преемственности власти.

Петр много и звучно рассуждал о пользе отечества. «Не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, *Петру врученное*», — взывал он к солдатам перед Полтавой. Однако при этом царь проявил удивительную безответственность, не назначив наследника, хотя перед смертью несколько недель тяжело болел и, видимо, понимал, что его дни сочтены. Впрочем, тиранам (а Петр, несомненно, был из их числа) вечно кажется, что они бессмертны.

Ситуация, в которой Россия оказалась в 1725 году, не уникальна, а наоборот вполне типична. В истории она повторялась неоднократно, в разных странах и в разные эпохи.

Когда суровый правитель, много лет пришпоривавший и хлеставший свою страну, внезапно умирает (они почему-то всегда умирают внезапно для подданных, даже если предварительно долго хворали), в первое время держава по инерции продолжает содрогаться, а потом впадает в некий ступор, за судорожным вдохом следует медленный выдох. То же случилось и с Россией. Государственная повозка, лишившись погонщика, будто остановилась. Она вновь тронулась с места, когда шок миновал, лошадь-народ немного перевел дух и появился новый энергичный возница. Этой немудрящей аллегорией можно коротко описать центральную фабулу эпохи.

Итак, в эти три четверти столетия время двигалось неровно. То пятисялоось назад, то приостанавливалось, то пускалось вскачь, то делало дико-винные зигзаги. Четыре периода — и четыре части, на которые разделена книга — отличаются по продолжительности, насыщенности и исторической важности.

Первая часть называется «Нервное время» и охватывает промежуток от смерти Петра до воцарения его дочери Елизаветы, то есть с 1725-го до 1741 года. После великих потрясений Россию продолжает лихорадить. Политических событий много, прежде всего на самом верху, но исторически значительных — минимум. Можно было бы дать этой части и другое название: «Невеликие монархи, алчные фавориты и сплошные перевороты».

Затем следует часть «Сонное время», посвященная двадцатилетнему правлению «кроткия Елизавет». Страна оправляется от пережитого стресса. В высшем эшелоне власти все успокаивается, внизу тоже более или менее спокойно. Никто никуда не торопится, потому что никто никого не подгоняет. Иными словами, для российского населения это лучшая пора столетия — а для историка самая скучная. Если бы не бремя имперсности, вынудившее страну ввязаться в большую европейскую ссору, рассказывать было бы почти не о чем.

Но вот после долгого затишья, накопив силы, Россия вступает в новый период развития и экспансии. Начинается «великое время», правление Екатерины II (1762–1796). Народу становится тяжело, историку — интересно. Во всех сферах жизни происходит много событий, много перемен, много явлений, заслуживающих изучения и осмысления.

Заканчивается книга «Странным временем», коротким царствованием Павла (1796–1801), которое можно рассматривать как этюд на тему «роль личности в истории»: что случается с самодержцем, когда он начинает считать свою роль в истории главной.

Все части построены по одному принципу: сначала дается описание происшествий на самом верху, потом внутри страны, затем вовне. Третья, екатерининская часть помимо того поделена на множество тематических глав. Здесь всё важно, почти всё имело исторические последствия. При этой государыне строительство евразийской империи возобновилось и в основных своих чертах завершилось. К концу екатерининского царствования историческая судьба России окончательно определилась.



Должен напомнить читателю, что в фокусе авторского интереса находится лишь один аспект истории: эволюция политических институтов, взаимоотношения власти с обществом, поэтому многое важное и интересное остается за пределами повествования или затрагивается лишь косвенно, в связи с заглавной темой (история российского государства). В частности, в отличие от предыдущих томов, я почти ничего не пишу о жизни церкви, ибо, начиная с Петра, она фактически превращается в ка-

зенный департамент и утрачивает всяческое политическое значение. Мало касаюсь я и отечественной культуры. Мы будем говорить о ней лишь в контексте зарождения новых общественных идей, которые впоследствии окажут влияние на историю государства.

Зато довольно много места уделено теме для исторического анализа не столь важной, но для автора очень любопытной: проверке сложившихся репутаций.

К сожалению, в отечественной историографии почти во все времена превалировал принцип, некогда сформулированный почтенным Михаилом Ломоносовым: «Смотреть прилежно, чтобы [историк] был человек надежный и верный и для того нарочно присягнувший, чтобы никогда и никому не объявлять и не сообщать известий, надлежащих до политических дел критического состояния; природный россиянин; чтоб не был склонен в своих исторических сочинениях ко шпионству и посмеянию». В соответствии с этим заветом одних исторических деятелей у нас традиционно принято возвеличивать, а других так же традиционно подвергать «шпионству и посмеянию». Многие из этих оценок восходят прямо к восемнадцатому веку и были политически небескорыстны. Скажем, принято считать, что Бирон был беспроблемным злодеем, Петр III идиотом, Павел то ли сумасшедшим, то ли непонятым гамлетом, и так далее. Руководствуясь не позднейшими оценками, а фактами, мы проверим, что здесь справедливо, а что нет.

Итак, январь 1725 года. Умирает человек, заложивший основы нового государства, да, собственно, и бывший государством. Огромный, кое-как скроенный, неуклюжий корабль остался среди бурных волн без капитана, который один худо-бедно умел крутить штурвал и решал, куда плыть. Но-взорожденная империя осиротела.

---

---

**Часть первая**

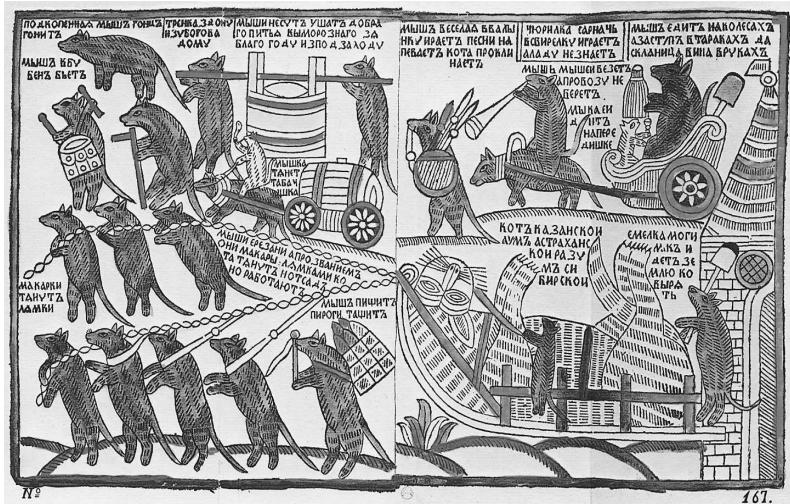
---

---

**НЕРВНОЕ ВРЕМЯ**

---

---



# Власть

## Бои без правил

Петровская эпоха пугала и поражала. Она была масштабной даже в своих эксцессах и нелепостях. На смену ей пришли времена до чрезвычайности мелкие и непристойные. И виноват в этом был сам великий реформатор. Настоящий маньяк дисциплины и порядка, за свою жизнь издавший бесчисленное количество законов, указов, регламентов, уточнений к регламентам и уточнений к уточнениям, он оставил беспорядок в самом главном вопросе самодержавного государства — о преемственности власти.

Император сочинял законы для подданных, но сам себя ограничивать ими не желал. В 1722 году он упразднил прежнее, традиционное престолонаследие, согласно которому трон автоматически переходил к старшему наследнику мужского пола, и объявил, что отныне преемника будет по собственной воле назначать монарх.

Петр умер не скоропостижно, его предсмертная болезнь продолжалась почти две недели. Надежды на выздоровление скоро угасли, царя причастили и исповедовали еще за шесть дней до кончины, так что времени явить последнюю волю имелось более чем достаточно. Однако ничто кроме собственных страданий «отца отечества» (официальный титул Петра), кажется, не занимало. Лишь в самом конце, как рассказывают, он попытался написать что-то на грифельной доске, но успел начертать только два слова «отдайте всё...» — и потерял сознание.

Эта — будем называть вещи своими именами — эгоцентристическая безответственность привела к очень тяжелым последствиям. В. Ключевский пишет: «Редко самовластие наказывало само себя так жестоко», «престол был отдан на волю случая и стал его игрушкой». Но «игрушкой случая» стала и вся большая страна, в которой началась чехарда коротких царствований и политических потрясений. Во главе одной из пяти великих держав (наряду с Францией, Англией, Австрией и Турцией) оказались, как деликатно выразился историк Сергей Платонов, личности, «по своим эгоистическим наклонностям не достойные власти».

## ЕВРАЗИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

---

Мучительные колебания Петра относительно преемника, в общем, понятны. Отношения с супругой у императора в 1724 году разладились, да и вряд ли он был высокого мнения о ее государственных талантах. Из мужского потомства наличествовал только малолетний внук, сын осужденного преступника царевича Алексея. Существовал риск, что мальчик попадет под влияние своей бабки, постриженной в монахини Евдокии Лопухиной. Было еще три дочери, Анна, Елизавета и Наталья, не пригодные к бремени императорской власти по возрасту, да и по способностям (хотя в случае последней, шестилетней, о способностях говорить было рано).

Но при всей тяжести выбора любое решение было бы лучше, чем никакое. Теперь же в России надолго установилась опасная ситуация неопределенного преемничества, подорвавшая стабильность власти в самом высшем ее эшелоне. При отсутствии твердых правил престолонаследия неминуемо начались бои без правил — одна из характерных черт всего данного периода российской истории.

Здесь примечательны два новых фактора, определившие лицо русского восемнадцатого века.

Первым является необычно выросшая роль императорского охранного корпуса — гвардейских полков. Ничего уникального в этом явлении нет, оно свойственно для всякой абсолютистской власти, когда неограниченность полномочий властителя подтасчивается его слабостью или неспособностью. Монарх перестает полностью контролировать собственных телохранителей, и у тех возникает искушение стать активными участниками «игры престолов». Таковы были преторианцы в поздней Римской империи или янычары в современной описываемым событиям Турции. В недавней русской истории, в 1680-е годы, на исходе предшествующего, слабого формата самодержавия, подобную роль пытались играть стрельцы.

Но созданная Петром гвардия была гораздо сильнее стрельцов — прежде всего по своему социальному составу и значению.

По замыслу реформатора, служба в гвардейских полках должна была стать школой для дворянского сословия, и путь к любой карьере, как военной, так и гражданской, обычно пролегал через казарму, с низшего, солдатского чина. Таким образом, гвардия являлась не просто дворцовой стражей или военным подразделением, а наиболее активной частью всего дворянского сословия, которое на протяжении восемнадцатого столетия, как мы увидим, постепенно становится настоящим хозяином страны. Участие гвардейцев в борьбе за престол — одновременно и проявление, и

## НЕРВНОЕ ВРЕМЯ

---

причина этой тенденции. Дворянство придавало гвардии дополнительную силу, а гвардия повышала значение дворянства.

Столетие с 1725 года, спора за наследие Петра, до 1825 года, декабристского восстания, последней попытки переворота, можно было бы назвать «гвардейским веком» русской истории.

Несколько короче длился другой примечательный феномен, так называемый «женский век» русского самодержавия, с небольшими перерывами продолжавшийся семь десятилетий. Само женское правление не было для Руси чем-то невиданным. Полулегендарная Ольга Киевская или великая княгиня московская Софья Витовтовна, предположим, жили очень давно, но сохранилась память о регентше Елене Глинской, а воспомина-



Солдаты лейб-гвардии Преображенского полка. Литография. XIX в.

## ЕВРАЗИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

---

ния о власти «великой государыни-царевны» Софии Алексеевны были совсем свежими.

Однако никто из русских женщин не правил страной от собственного имени, все они были временными правительницами при юных монархах мужского пола. К тому же серьезным гандикапом являлась московская традиция держать «слабый пол» взаперти. Даже смелая, решительная Софья покидала пределы своего терема почти исключительно для выхода в церковь или поездки на богоомолье.

Одной из самых важных и благотворных новаций Петра была женская — вернее, дамская, поскольку речь шла только о благородном сословии, — эмансипация. Дворянам не просто позволялось, а строжайше предписывалось учить дочерей грамоте, вывозить их в свет, приобщать к европейской культуре. Трудно переоценить значение революции, которую это произвело в русской жизни. Моралист восемнадцатого столетия князь Михайла Щербатов, которого я буду часто и с удовольствием цитировать, пишет: «Жены, до того не чувствующие свои красоты, начали силу ее по-знавать, стали стараться умножать ее пристойными одеяниями, и более предков своих распостерли роскошь в украшении. О коль желание быть приятной действует над чувствиями жен!» Однако одеяниями и чувствиями дело не ограничивалось. Новопознанная сила женщин начала сказываться и в политике. Дамы научились интриговать, бороться за влияние, даже участвовать в переворотах. Свежая, фонтанирующая энергетика всегда мощнее прежней, привычной, и не будет преувеличением сказать, что в восемнадцатом веке «женский» фактор превалирует над «мужским». Это эпоха сильных монархинь и слабых монархов.

Еще в 1725 году, красноречия перед Петровой вдовой, Феофан Прокопович догадался соединить «владетельское благоразумие» с «матерним благоутробием», создав образ «матушки-царицы». «Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому!» — провозгласил архиерей-царедворец. Российская верхушка этой истины на протяжении всего восемнадцатого века не оспаривала.

Но в социальных низах, в народе, где положение женщин нисколько не изменилось, идея «царя в юбке» приживалась медленно и трудно. Когда такое произошло в первый раз, некоторые мужчины отказывались присягать женщине, говоря: «пускай ей бабы крест целуют». При всякой беде — неурожае или эпидемии — немедленно распространялись слухи, что это божье наказание за «бабское царство». В Тайной канцелярии не переводились дела по оскорблению государынь именно из-за их половой принадлежности. Самым красноречивым свидетельством «несолидности» жен-

## НЕРВНОЕ ВРЕМЯ

---

ского правления для народного сознания является то, что в эпоху непрекращающегося самозванчества почти совсем не появлялись лже-царицы и лже-царевны (княжна Тараканова, о которой речь впереди, здесь не в счет — это явление иностранное).

Впрочем, мнением народа никто не интересовался, а дворянам при «матушках-государынях» жилось много лучше, чем при грозном Петре. С точки же зрения истории, пол властителя военно-бюрократической империи не имеет значения. Этот тип государства, как мы увидим, существует по собственным законам, не зависящим от того, штаны или платье носит самодержец.

Пожалуй, единственным «гендерным» следствием эпохи императриц была мода на роскошь, ранее ни царскому двору, ни русскому правящему сословию, в общем, не свойственная. Князь Щербатов объясняет это тем, что «женский пол обыкновенно более склонен к роскошам, нежели мужской».

Как бы то ни было, с 1725 года государственная власть в России перестает быть сугубо мужским делом.

---

## Как мыши кота хоронили

---

Так назывался сатирический лубок, представлявший собой народную реакцию на смерть Петра Первого. Царя и раньше изображали в виде кота (со своей круглой головой, выпученными глазами и торчащими усами он действительно был похож), и по поводу его смерти «мышам», то есть подданным, горевать не приходилось.

Не до горя было и ближнему кругу императора, хотя на людях эти высокие особы, конечно, предавались буйной скорби. Адмирал-мемуарист Франц Вильбуа пишет про безутешную вдову: «Она проливала слёзы в таком количестве, что все были этим удивлены и не могли понять, как в голове одной женщины мог поместиться такой резервуар воды. Она была одной из самых усердных плакальщиц, каких только можно видеть, и многие люди ходили специально в императорский дворец в те часы, когда она была там у тела своего мужа, чтобы посмотреть, как она плачет и причитает». На самом же деле обвиненной в супружеской измене Екатерине, опальному Меншикову, да и прочим главным соратникам императора скрбеть было некогда. Эти мыши пустились в пляс, когда кот еще даже не умер. На карту был поставлен не только вопрос о том, кому достанется